

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВ
КАЛИНЫ
РОМАШОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Пока смерть не разлучит нас
Встретимся в другой жизни	Завтра не наступит никогда
Я – его алиби	Пять минут между
Девушка с секретом	жизнью и смертью
Блудница поневоле	Любовь окрыляет
Неплохо для покойника	Единственная моя
Стервами не рождаются!	С первого взгляда
Дожить до утра	Второй подарок судьбы
Крестный папа	Зеленые глаза викинга
Ничто не вечно под луной	Тайна, приносящая смерть
Миллион причин умереть	Цвет мести – алый
Рыжая-бесстыжая	Не доставайся никому!
Охотники до чужих денежек	Чужая жена — потемки!
Мужей много не бывает	Возвращаться – плохая примета
Ты у него одна	Врачебная тайна
Любитель сладких девочек	Призрак другой женщины
Игры в личную жизнь	Тайну хранит звезда
Черт из тихого омута	Семь лепестков зла
Обмани меня красиво	Свидание на небесах
Старая тайна, новый негодяй	Ведьма отмщения
Миллионерша поневоле	Программа защиты любовниц
Внимание: неверный муж!	Кинжал в постели
В любви брода нет	Гнев влюбленной женщины
Последняя ночь с принцем	Лучший день в году
Осколки ледяной души	Нирвана для чудовища
Счастье по собственному желанию	Незнакомка с тысячько лиц
Любвеобильный джекпот	Последнее прибежище негодяя
Длинная тень греха	Счастье с третьей попытки
Личное дело соблазнительницы	Подвенечный саван
Большие проблемы	Заклятие счастья
маленькой блондинки	Торговка счастьем
Красотка печального образа	Амур с оптической винтовкой
Ночь с роскошной изменницей	Мсть Спящей красавицы
Окно в Париж для двоих	Демон ревности
Лицензия на happy end	Преступно счастливая
Черная корона	Изменница поневоле
Рыцарь чужой мечты	Закон сильной женщины
Демон искушения	Без вины преступница
Грешница в шампанском	Пленная птица счастья
Принцип Отелло	Ничего личного, кроме боли
Исполнительница темных желаний	Заговор обреченных
Жизнь нежна	Узнай меня
Мода на чужих мужей	Заповедник потерянных душ
	Ангел мщения

ГАЛИНА РОМАНОВА
АНГЕЛ МЩЕНИЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Ангел мщения : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-097169-5

Несколько лет назад Инна нарушила закон, и, хотя никто из-за этого не пострадал, теперь ей приходится помогать старому приятелю, который слишком много о ней знает. А именно: согласиться передать его знакомому в зале суда термос с чаем и бутерброды. На первый взгляд в этой просьбе нет ничего криминального, и Инна свою миссию выполняет. Вот только в последний момент понимает, что в сумке у нее вовсе не термос, а взрывное устройство...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097169-5

© Романова Г.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ШАБА 1

— Встать, суд идет! — скомандовала секретарь суда.

Зал заполнился шорохом, все послушно поднялись.

На ее взгляд, для такой важной должности девица была слишком молодой и оттого, наверное, казалась слишком взволнованной. Она заметила, что руки ее подрагивают. Волнуется? Возможно.

Хотя...

Хотя она запросто могла быть неврастеничкой. Или тайной алкоголичкой. И заедала по утрам ночной перегар чем-нибудь ароматным. И долго пыталась потом привести в порядок свою невзрачную внешность. Трясущиеся руки не слушались. Пряди волос выбивались из прически, стрелки на глазах выходили неровными.

Да, наверное, девица и правда пьет. И на службе ее держат, не выгоняют, скорее из жалости, чем из-за ее профессиональных навыков. Какие навыки у секретарей суда? Что в них необычного? Ничего.

Кстати, о жалости!

Она обвела взглядом присутствующих.

Интересно, кто они — эти люди? Много ли среди них искренне сочувствующих? Много ли жалеющих

Галина РОМАНОВА

того, кто сейчас находится на скамье подсудимых? Или все же больше любопытных? Тех, кто любит чужие скандалы. Кто полощет их, как застиранные кальсоны в грязной воде. Кто смакует их, приукрашает подробностями, рассказывая, и засыпает ночью в своей уютной кровати с ощущением счастья. С мыслями, что это не его беда, не его неприятности.

Много ли здесь таких? Или она одна здесь такая — алчная до чужой беды?

— Прощу садиться, — скомандовала секретарь суда и неуверенно села сама.

Точно пьет. Или тяжело болеет. А может, ее парень бросил? Или муж? И девушка страдает теперь, терзается мыслями: что она сделала не так. Не спит ночами, а утром кое-как собирается на службу, не подозревая, что станет предметом пристального внимания кого-то из зрителей. Может быть и такое...

Зал наполнился тем же шелестящим шорохом, публика в зале суда опустила на свои места.

Она тоже села. Тут же привычно потрогала сумку с бутербродами. Все на месте. Все четыре бутерброда. По два на каждое заседание. Это было первым. Еще одно — обязательное для сегодняшнего посещения — в соседнем районе состоится ближе к вечеру. Она успевает.

В перерыве первого заседания она съест два первых бутерброда с колбасой, запьет чаем из термоса. Оставшиеся два — с маслом и сыром — съест перед вторым заседанием. Допьет чай.

Домой вернется поздно. Уставшей, пропахшей потом, с провонявшей едой сумкой, но, как обычно, на эмоциональном подъеме. Потому что совершенно

точно ее заряжала чужая беда. Она делала ее сильнее. Чужая беда заставляла ее чувствовать себя счастливой. И даже собственная ненужность казалась как нельзя кстати.

Вернувшись домой, она сначала привычно выпотрошит и вымоет сумку, повесит ее на балконе сушиться. Потом наберет полную ванну горячей воды и погрузится в нее минут на двадцать-тридцать. И будет блаженно жмуриться: вот как у нее все хорошо в жизни складывается. У нее есть ванна, горячая вода, пушистое полотенце, чистая байковая пижамка висит на крючке. В кухне ее ждет чашка теплого молока со сдобной булочкой. И мягкая постелька уже разобрана. А у того, кого сегодня вывели из зала суда в наручниках, ничего этого нет! И будет еще ох как нескоро. Он или она, в зависимости от того, кого минувшим днем осудили на долгий срок заключения, корчится теперь на нарах, терпит издевательства сокамерников и проклинает себя за ошибки.

А у нее вот есть отдельная квартирка. Своя собственная, не арендованная. В квартирке этой есть все для удобного проживания — кухня, ванная комната, небольшая спальня и самая настоящая гостиная с большим телевизором и мягкой мебелью, на которую она сама лично сшила красивые чехлы.

Квартирка ей досталась не совсем праведно. Не совсем честно. Если уж совсем откровенно, то самым настоящим преступным способом она ею завладела. Но ведь сумела! Не попалась! Живет в ней уже семь лет. И наслаждается своим собственным счастьем, формулу которого вывела для себя еще десять лет назад.

Галина РОМАНОВА

До этого мучилась. Ох как она мучилась и страдала, глупая! Считала себя некрасивой, обделенной вниманием, ущербной, неудачливой. Часто плакала в одиночестве. Ненавидела свое отражение в зеркале. И даже, дурочка, всерьез подумывала о самоубийстве. А потом случилось «вдруг». Это самое «вдруг» перевернуло всю ее жизнь. Все ее представления об истинном счастье. И она впервые осознала всю силу изречения: не было счастья, да несчастье помогло.

Ей в самом деле помогло несчастье.

Случилось это...

Да, точно, почти десять лет назад. Они с подругами окончили школу, рассовали документы по вузам. С сентября собирались приступить к учебе. А пока было лето — знойное, свободное, пьянящее. Они пропадали на пляжах, ночами тусили в клубах, знакомились с парнями, спали с ними иногда.

Честнее, подруги знакомились с парнями и спали с ними иногда. Ей не доставалось ни знакомств, ни секса. Она сомневалась, что ее вообще замечали. И страдала. И плакала. Мать, замечая по утрам ее опухшее лицо и красные глаза, подозревала ее в злоупотреблениях. И ворчала. И грозилась не отпустить на учебу в другой город.

— Ты там совершенно опустишься! — восклицала она, не догадываясь о причинах, поскольку считала свою дочку прехорошенькой. — Без надзора! Ты же всегда была серьезной девочкой, чего тебя так перекосило?

Да, она всегда была серьезной девочкой. И достаточно умной, чтобы понять: ее никогда не полюбит

красивый парень. Тот, о котором она втайне мечтала. И, отчаявшись, она даже попытала себя с женщиной. Но была с позором изгнана.

— Ты не из наших, — было сказано ей в спину. —
Поищи парня.

Легко сказать! А она чем все это время занималась? Она его искала. Но тщетно. Ее не замечали.

И потом это — вдруг...

Вечер был прощальным, августовским. Они собирались разъезжаться. Решено было собраться в любимом клубе. Собрались. Шумные, загорелые, красивые, заметные. Правда, не все.

Они семеро заняли центральный столик, заказав его заранее. Он всегда был занят, если явиться без предварительного заказа. Было много выпито к тому моменту, как в клуб ввалились такие же шумные загорелые абитуриенты мужского пола. Их тоже было семеро. Они сразу обступили их столик, начали клеиться.

— О, парни! Как говорится, каждой твари по паре! — восклицала Нина — самая эффектная из них. И, не вставая с места, красиво переплела длинные ноги, выдвинув их из-под стола. — По паре.

Нина ошиблась. Пары не хватило. Не хватило пары их несчастной, незаметной подруге. Потому что сразу двое принялись обхаживать Нину.

А очень привлекательной дочери заботливой мамы приходилось лишь жалко улыбаться и делать вид, что все хорошо. Что она всем довольна. Что ей весело. И что она тоже хочет попробовать тех дивных таблеток, от которых им станет еще веселее.

А потом вдруг и случилось это самое «вдруг». Начались маски-шоу. В зал ворвались сотрудники

ОМОНа и приказали всем лечь лицом вниз. Подчинились не все и не сразу, народу было очень много. Кто изрядно во хмелю, кто-то под «дурью». Бестолковились, кричали, размахивали руками, грозили расправой, звонили адвокатам. Хаос. На какое-то время в зале воцарился дикий хаос.

Она скорее угадала, чем почувствовала чужие руки в своем заднем кармане новеньких джинсов. Чужие, мужские руки, ошибиться она не могла. Это было так ново, так волнующе. Перед тем как в ухо ей жарко шепнули, она даже подумала, что уже начался обыск и ее щупает кто-то из омовцев.

— Не поворачивайся, — приказал ей жаркий шепот, который она тут же узнала. — Вынеси то, что я тебе положил в задний карман. Я потом заберу.

— Но как? Как я пройду? Выходы перекрыты.

— Я сейчас их отвлеку. А ты дуй на выход. Тебя не остановят.

Как в воду глядел! Ее и правда никто не остановил. После того как новый знакомый, весь вечер не отходивший от Нины, поднял отвлекающий шум, она проскользнула мимо двух омовцев, болтающих друг с другом на выходе, совершенно незамеченной. Она словно превратилась в призрак. Ее просто не увидели!

— Хорошее качество, — похвалил ее на следующий день новый знакомый, забирая пакетик с таблетками. — Для нашего дела — незаменимое.

Оказалось, что это качество — быть незаметной, очень хорошо оплачивается. За неделю, которая предшествовала ее отъезду на учебу, она неплохо заработала, выполнив пару поручений симпатичного властного парня.

Потом она уехала учиться. Училась средне, подрабатывала, несколько раз пыталась завязать отношения. Но все быстро угасало. Она оказывалась не той, парни оказывались не теми. Она не страдала. Просто жила дальше.

Неожиданно пришло известие из родного города: скоро должен был состояться суд над тем самым парнем, которому она помогала. Он все же попался со своими таблетками и кое с чем посерьезнее. Ему грозил немалый срок. Так мать сказала. Подруги, которых она обзвонила, подтвердили. И это неожиданно причинило ей боль. И, отпросившись в университете, она поехала на родину. И просидела целых три дня в зале суда, внимательно слушая адвоката, прокурора, свидетелей и не сводя взгляда с того человека, который открыл в ней поразительное полезное качество — быть незаметной в нужный момент.

Казалось странным, но подсудимый не сводил с нее взгляда. Пристального, загадочного и будто бы нежного. И последнее слово, которое он взял перед оглашением приговора, было обращено не к суду и присяжным, а именно к ней. Она была в этом уверена.

— Пусть мой пример послужит уроком, — говорил он, глядя только на нее. — Пусть никто не повторяет моих ошибок.

— Вы раскаиваетесь? — спросил его судья. — Вы раскаиваетесь в том, что совершали?

— Я? — Он, уже знающий, какой срок ему влепят, неожиданно отрицательно мотнул головой. — В том, что совершал — нет, не раскаиваюсь. Раскаиваюсь в том, как я это совершал.

Галина РОМАНОВА

— То есть? — Лицо пожилого судьи недоуменно вытянулось.

— Я наделал много непростительных ошибок, поэтому и попался. И хочу, чтобы никто их не совершал. Неуязвимость — удел немногих. Этому нужно и можно научиться.

— Чему?! — возмутился судья. — Быть преступником?!

— Быть неуязвимым, непойманным и оставаться безнаказанным.

И с многозначительной ухмылкой, адресованной лишь ей, ей одной, он опустил на скамью подсудимых.

Пятнадцать лет. Пятнадцать лет строгого режима он получил за свое преступление. А она — тупую боль в сердце, не покидавшую ее почти год. Потом прошло. Закрутилась в учебе, на подработках, в новых отношениях, не имеющих никакого будущего. Нахватала хвостов, и ее поперли из общежития. Пришлось искать комнату. Нашла. Нашла именно то, что искала: старая больная хозяйка квартиры требовала ухода, общения. И за это дополнение к комнате брала с квартирантки мизерную плату. Они сблизились. Подружились.

— Была бы ты моей родственницей, запросто квартиру тебе отписала бы, — восклицала неоднократно хозяйка за вечерним чаем. — А так не могу. Ты не родня. Не могу, извини. У меня принцип.

Она не возражала. Улыбалась. И потихоньку бежала на заседания суда, где рассматривались дела черных риелторов, аферистов с недвижимостью и алчных родственников, отправивших на тот свет кого-то из своих близких ради квадратных метров.

Она внимательно слушала адвокатов, прокурорских, свидетелей, самих подсудимых. Слушала, анализировала, мысленно составляла схемы их преступлений по-своему. Она пыталась следовать совету. Пыталась быть умнее, изворотливее, расчетливее. Пыталась руководствоваться разумом, а не чувствами. Она училась быть неуязвимой.

Он так велел.

Оформить квартиру на себя по договору пожизненной ренты оказалось проще, чем она предполагала. Для начала был найден нечистый на руку нотариус. Она спросила: сколько? Он ответил. Она уговорила мать взять деньги в банке, соврав про ипотеку. Та не отказала. И все прошло как по маслу. Хозяйка квартиры подписала договор пожизненной ренты, даже не подозревая, что именно подписывает. До самой смерти была уверена, что общалась за чаем с представителем ЖЭКа. Умерла старая женщина, к слову, своей смертью. Без посторонней помощи. Она ее не торопила, испытывая что-то вроде угрызений совести из-за обмана.

Квартира перешла в ее собственность.

Она окончила университет. Устроилась на хорошую работу с приличной зарплатой. Отдала долг матери. Обустроила свое жилище, превратив его в уютное неприступное гнездышко. И... заскучала.

Поняла, что просто жить, не претворяя в жизнь ЕГО наказания, невозможно скучно. И даже отношения с мужчинами, которые время от времени у нее все же случались, не радовали. Встречи с подругами казались скучными. Разговоры о тряпках, мужьях и новорожденных детях вызывали зевоту. Ей было

Галина РОМАНОВА

мало удовольствия наблюдать их милые радости. Она не разделяла их щенячьих восторгов по поводу первого появившегося молочного зуба. Ей необходим был всплеск, контраст. И спустя какое-то время она вновь оказалась среди зрителей. Она вновь очутилась в зале суда. И поняла, что оживает.

Она посещала не всякие громкие процессы. Не все ей было интересно. А уж то, что цепляло, не пропускала никогда. И ходила туда как на работу. Даже приходилось брать больничные или дни за свой счет, если дела, рассматриваемые в суде, оказывались резонансными, возбуждающими ее до бессонницы.

Сегодняшний дневной процесс был как раз таким. Вечернее слушание отличалось, но тоже будоражило воображение.

— В зал суда приглашается свидетель со стороны защиты, — провозгласила судья, молодая женщина строгой внешности.

Слушание началось...

МАМА 2

— Ты куда это собрался?!

Мать, нагнувшись, чтобы застегнуть молнии на демисезонных сапогах, резко выпрямилась. Кровь, хлынувшая ей в лицо, раскрасила щеки и скулы рваными пятнами. Ненакрашенные губы сделались синими. Глаза подозрительно прищурились.

— Я задала вопрос, Владик!

— Я с тобой.

— Куда со мной?! — Ее сизые губы приоткрылись, превратившись в букву «о». — В зал суда?! Ты в своем уме?!

Все это она выпалила, почти не шевеля губами, буква «о» почти не пострадала, выпуская сквозь себя материно гневное шипение.

— Да, я в своем уме, ма. Я хочу присутствовать в зале суда, где станут выносить приговор моему отцу, который ни в чем не виноват. Я хочу видеть...

Он запнулся, опустил голову. Подумал, что может сказать из правды, которая бы не так сильно напугала мать. Ничего не придумывалось. И он соврал:

— Я хочу видеть отца, мам. Я соскучился.

— Ох, господи! — Мать шагнула вперед, схватила его за воротник джинсовой рубашки, рванула на себя, прижалась, прошептала ему в ухо: — Врешь ты все, Владик. Знаю я, зачем ты туда врешься.

— Зачем?

Стоять в обнимку с матерью было не очень как-то. Пацаны сказали бы, что так стоять с матерью — обнявшись — запахло. Но их сейчас не было рядом. Значит, не увидят, значит, не осудят. А мать собиралась сказать что-то важное. Следовало потерпеть ее объятия и послушать.

— Зачем, мам?

— Хочешь всех, кто против отца свидетельствовать станет, рассмотреть повнимательнее, — произнесла она, всхлипнув. — Рассмотреть и запомнить. Только зачем?! Скажи, зачем?

— Никого я не хочу запомнить, отстань! — Он грубо отстранился, повернулся к матери спиной,